

За соб. искусство. - 1989, - 13 июля

С. С. Н. / 125

К 150-летию со дня рождения Э. Ф. Направника

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ

О ГРОМНЫ и неоспоримы заслуги Эдуарда Францевича Направника перед русским оперным искусством. Чех по рождению, он более полувека своей жизни отдал России, беззаветно служил интересам ее культуры. Он осуществил постановку на русской сцене около восьмидесяти опер, из них — более половины русских. Именно он сумел раскрыть впервые всю глубину и значение «Руслана и Людмилы» Глинки. Он пропагандировал сочинения Даргомыжского, Чайковского, тщательно и мастерски ставил все оперы театрального репертуара.

Направник создал прочные и плодотворные традиции исполнения классических опер, очистил репертуар Марининского театра от «случайных», «малохудожественных» сочинений. Своим неустанным, самоотверженным и умничальным по достигнутым результатам трудом он сумел поднять влачавший жалкое существование театр на уровень лучших оперных сцен мира.

Направник подготовил себе смену — великолепных, высококвалифицированных оперных дирижеров. Он стоял у колыбели первого русского симфонического оркестра — придворного музыкального хора, который, сделавшись первым заслуженным коллективом России, также занял почетное место среди лучших симфонических оркестров нашей планеты.

Главным делом жизни Направника, безусловно, был Марининский театр. Его история, славная двухсотлетняя история театра, ныне Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, неразрывно связана с именем Направника, которого помнят и свято чтут в стенах этого одного из старейших театральных учреждений нашей страны.

Заслуживает уважения и композиторское наследие Направника, среди которого опера «Дубровский» и по сию пору пользуется любовью слушателей, а многие другие страницы творчества достойны того, чтобы быть возращенными на концертную эстраду.

Своим беззаветным, самоотверженным творческим трудом Направник вписал яркую страницу в историю межславянских культурных связей, внес значительный вклад в дело укрепления дружбы и родственных чувств между русским и чешским народами. Имя Направника

— одного из выдающихся деятелей русской культуры XIX века, одного из великих сынов Чехии — никогда не будет забыто.

...ОБРАТИМСЯ К ВОСПОМИНАНИЯМ тех, кто слушал музыку под его управлением или даже участвовал в ее исполнении.

Музыкoved B. Музалевский, поступивший в Петербургскую консерваторию в 1912 году, слышал «Ивана Сусанина» в 1913-м, когда исполнилось пятьдесят лет работы Направника в Марининском театре. Он вспоминал: «Прочитав в программе фамилию прославленного дирижера, я ожидал увидеть во главе оркестра Марининского театра некую импозантную, внушительную фигуру. Меня постигло полное разочарование: за пультом оказалась небольшого роста слегка согрబленный старичок, внешний облик которого не сулил радужных переживаний. С тех пор мне не приходилось видеть столь лаконичных, спокойных взмахов дирижерских рук. Короткие, размеренные движения, почти незаметные публике, заключали в себе весь огонь музыкальной натуры выдающегося мастера оркестра.

Направник вообще не столько пользовался дирижерскими приемами, сколько многоизначительно посматривал на оркестр сквозь пенсне, прикрепленное на длинном шнурке к его франчному костюму. Оказывается, этого было достаточно для художественного претворения глининской партитуры, точно, в мельчайших деталях переданной хором, оркестром, солистами. Тут-то и сказывались сила художественного воздействия при неповторимой скрупульности гипнотизирующего жеста Направника-дирижера!»

Все слышавшие Направника отмечали его строгий, скрупой жест. Ничего лишнего, ничего показного, обращающего на себя внимание. Некоторые считали его слишком сухим. Трудно судить, насколько это справедливо. Есть и отзывы, свидетельствующие о том, что под его управлением исполнение было близко к идеальному, а значит сухостью не отличалось...

Свою задачу Направник видел в наиболее точном, объективном воплощении замысла композитора. Тщательно изучал партитуру, создавал продуманный и логичный общий план исполнения, в котором благодаря тщательнейшей проработке деталей не было места случайностям.

Консервативный по своим

взглядам и вкусам, он был консервативен и в технических моментах. Так, несколько десятков лет он дирижировал, сидя у самой раби, то есть певцы находились у него прямо перед глазами, а оркестр со спиной. Изменил он этому правилу лишь во время постановки «Кольца Нибелунгов», когда оказалось, что видеть оркестр еще более необходимо, чем певцов, — настолько сложна оркестровая партия вагнеровской тетralогии. Ранее никто не мог его убедить сменить место. Правда, и сидя спиной к оркестру, Направник прекрасно знал, что там происходит. Иногда во время спектакля, заметив в оркестре что-то неладное, Эдуард Францевич мог позволить себе вовсе перестать дирижировать: он поворачивался к виновным лицам и смотрел на них. Этого оказалось достаточно чтобы восстановить порядок. А спектакль шел своим чередом, несмотря на отвлечение дирижера. И Направник был вполне уверен, что все пройдет как надо: настолько сильна была его духовная связь со всеми исполнителями.

Знал он их превосходно. Знал характер каждого. Знал, каким способом может добиться максимальной отдачи. С одним был строг, с другим неизменно терпелив, за кем-то устанавливал незаметный, но непрерывный надзор, так как знал, что это человек неустойчивый и может сорваться. Но неизменно щадил са-

молюбие даже самых провинившихся. Все виды морального воздействия, применялись только с глазу на глаз и происходили «под лестницей», в укромном месте, в котором никто не мог помешать или сделаться свидетелем неприятных обстоятельств.

Направник мог позволить себе дирижировать очень экономно, а порою и вовсе не дирижировать (бывали и такие случаи, когда он доверял исполнение коллективу, не дирижируя, а только наблюдал), потому что абсолютно все было сделано на репетициях. Работал он удивительно тщательно, всегда ставил четкие задачи и неукоснительно выполнял их.

Благодаря тому, что ни одна минута репетиционного времени не проходила впустую, произведение выучивалось исполнителями так, что потом много лет спустя они могли исполнять его без репетиций. Исполнять так, как будто только что выучили. Это относилось даже к таким сложным спектаклям, как, например, «Лозэнгрин» или «Валькирия» Вагнера.

Так что педагогом Направник был самого высокого класса. Однако быть им он мог как благодаря личным, человеческим качествам, так и благодаря феноменальной музыкальной одаренности. Репетиционная работа оказывалась особенно продуктивной из-за того, что его острейший, уникальный слух позволял очень быстро пройти корректурный период — самый неприятный для оркестра, когда приходится заниматься не исполнительскими задачами, и выявливанием ошибок переписчиков, иногда и самого композитора.

Как отмечали буквально все современники, Направник виртуозно схватывал ошибки. Еще и поэтому время, затрачиваемое на подготовку новой оперы, скрашивалось весьма существенно. Так «Валькирия», например, была поставлена им за 15 репетиций. В

московском Большом театре в 1902 году этот спектакль потребовал 23 репетиции. «Гибель богов» в Петербурге пошла после 12 репетиций, в Москве — после сорока одной.

...О чувстве ритма Направника рассказывали чудеса. Только он мог добиться от оркестра идеально синхронного звучания, такого, как будто звучит единий многоголосый инструмент, какой-то волшебный орган. Вот еще одно свидетельство: «Из всех дирижеров, выступавших в протяжении почти 40 лет в симфонических собраниях императорского Русского музыкального общества, Направник отличался наибольшим артистическим спокойствием, уверенностью, присущими духу и умением вести оркестр согласно своим намерениям. Ансамбль у него всегда был удивительный, как бы сосредоточенный в его магической дирижерской палочке. Струнный квартет играл всегда под его управлением с поразительной звуковой точностью, как один человек, вдохновленный одной мыслью. Нам никогда не приходилось слышать фальшивых или преждевременных вступлений. Каждый артист в оркестре знал, что в исключительно трудных и ответственных местах дирижер его не оставит без внимания... А. Г. Рубинштейн удивлялся и восхищался всегда дирижерским талантом Направника и часто говорил: «Я этого не умею, у меня этих способностей нет!»

Не только артисты оркестра могли всегда рассчитывать на помощь дирижера. Уверенно себя чувствовали с ним и певцы.

Умение не растеряться, найти выход в любой ситуации, абсолютное самообладание Направника считал естественным и необходимым качеством дирижера. В высшей степени обладал им сам, воспитывал его в молодых коллегах. Если же его нет, — доказывал Эдуард Францевич, — человека нечего делать в театре.

В книге «Из прошлого русской оперы» видный советский дирижер Д. И. Похитонов рассказывает: «Драгоценным качеством Направника-дирижера было поразительное самообладание за пультом. А ведь бывали моменты катастрофические, когда менее выдержаный дирижер наверное отказался бы продолжать спектакль. Но не в правилах Направника было растеряться. Из всех дирижеров, руководивших при мне спектаклями Мариинского театра, самым спокойным был Направник. Его твердая рука и железный ритм необычайно облегчали и мою работу за кулисами (Похитонов начал свою деятельность в театре в качестве репетитора и хормейстера). Это спокойное самообладание отнюдь не означало отсутствие у Направника темперамента... Да же семидесяти лет он с увлечением, присущим юности, проводил спектакли любыми им операми «Руслан и Людмила», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Гугеноты» и других, далеко не легких по дирижерской технике...»

...В театре Направник обладал авторитетом громадным и непрекращающимся. Авторитетом, который основывался не просто на положении первого капельмейстера, и даже не только на блестящих, редкостных профессиональных качествах, но определялся всем обликом этого человека.

«был ли Направник начальством? Был, несомненно был. Об этом красноречиво говорил

блестящий период его 50-летнего художественного руководства оперой Мариинского театра. Но это был начальник, учитель и человек. Он не выносил лакейства, отвратительного театрального лакейства, низкопоклонства, приваленного подобострастным обращением «дорогой маэстро», равносильным чиновничуemu «ваше превосходительство»; к нему все обращались просто: Эдуард Францевич.

Этот человек снискал себе всеобщую любовь и уважение тем, что у него на первом месте было дело, которому он отдал все свои знания, и бескорыстная забота о своих соратниках по искусству, не знавшая разницы между «большими» и «малыми». Разве можно было бояться этого человека? Можно было только уважать его, преклоняться перед ним, работать с ним не за страх, а за совесть».

Так писал о великом дирижере Похитонов, начинавший под его руководством свою многолетнюю разностороннюю деятельность в оперном театре...

...Держит себя Направник со всеми просто, доступно, даже деликатно. Если на репетиции приходится делать замечания, он облекает их в самую мягкую форму. Но иногда может и высыпать. Так знаменитому Фигнеру, который, желая блеснуть верхней нотой, попросил сделать фермату в военном марше одной из репертуарных опер, спокойно сказал: «А что будет с солдатами? Им придется стоять на одной ноге, пока вы будете держать фермату!»

...Отдельного кабинета у него в театре нет. Шубу свою он вешает в общей комнате, где помещаются и режиссерское управление, и музыкальная библиотека, где собираются артисты перед репетицией. Здесь же все пьют чай в перерыве. Направнику чай подают с молоком и сухариком. Он шутит, принимает участие в общем веселье, в праздниках артистов. Например, ко дню рождения певицы М. А. Славиной приводят ее к Направнику и часто подносят шуточный мадrigal...

И рядом с этими чертами живет, главенствует над всем гигантская, поражающая сила воли. Сила, которая позволяет не только управлять огромным коллективом театра, добиваясь от него блестящих творческих результатов, но и безуказанным во всех случаях жизни владеть собою — переносить внешне невозмутимо многочисленные неприятности, доставляемые и начальством, и некоторой частью недругов — музыкантами, обиженными его принципиальной позицией; преодолевая страдания, с каждым годом все более тяжкие...

...Иногда, чтобы показать свое доверие коллективу, он отменяет репетицию перед спектаклем, горюя, что уверен в своих коллегах, что опера прекрасно выучена, и все пойдет как надо. И не было случая, чтобы его подвели. Такое отношение в театре Направнику дороже всех почестей, которые выпадают на его долю. А они в конце 80-х годов вырастают в пожалование еще одного ордена и возведении в по-

томственный российский дворянство. Направнику и его детям вписываются в третью часть Российской дворянской родословной книги. Он получает собственный герб — стилизованная арфа на щите, обрамленном ветвями и увенчанном короной; внизу на ленте девиз: «Трудом и искусством». Формулировка его весьма удачна. Действительно, какие слова могут точнее определить всю жизнь этого великого труженика и величайшего мастера искусства?

[Из книги Л. В. Михеевой «ЭДУАРД ФРАНЦЕВИЧ НАПРАВНИК»]